

Печатный орган Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР)

БЕСКОНЕЧНАЯ БОРЬБА С ВЛАСТЬЮ ЗА ПРАВА РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Для непосвященных о репрессиях – небольшая справка: при необоснованном аресте отца семейства, как правило, арестовывалась его жена – за «укрывательство» (недоносительство) «врага народа». Родственники арестованных обычно не брали опеку над оставшимися детьми, т.к. опека могла считаться как помощь «врагу народа». Поэтому дети помещались в особые детские дома с особыми условиями на выживаемость, а если дети были малые – менялись фамилии, имена и отчества. Если жену не арестовывали, ее тут же снимали с работы, в лучшем случае ее могли принять на работу техничкой – мыть туалеты, полы и т.д. Она постоянно провоцировалась сексотами, чтобы услышать недовольство советской властью и загнать «обоснованно» в тюрьму. Семья выселялась – лишалась жилья, детей выгоняли из детсадов; многие дети, оставшиеся без средств существования и присмотра, просто погибали. Создавались гибельные условия для семей. В таких условиях часто матери, чтобы сохранить детей, совершали суицид – вешались, травились, топились, после чего детей передавали в детские дома, в этих случаях они имели шанс выжить. Детей «врагов народа» после окончания школы не брали учиться в учебные заведения, а если они как – то поступали, их брали на специальности, где был недобор, снижали оценки, чтобы не давать стипендию, исключали по надуманным причинам. Родственников «врагов народа» – братьев и сестер могли уволить с работы, постоянно держать в одной должности, зарплату не поднимать. В огромных масштабах проводились ссылки с родных мест сотен тысяч семей во время раскулачивания и целых народов при депортациях. Все перевозки проводились в вагонах для перевозки скота, отсутствовали элементарные санитарные условия, спали на полу, вагоны не отапливались, людей не кормили. Умиравшие старики и дети, хоронить их было невозможно, ехали с покойниками – вынести близкого из вагона и оставить у ж/д колеи у родных «не поднимались руки», была одна надежда, что скоро доведут до места назначения, но в то же время, где эти места, они не знали. Часто людей из вагонов выгружали в совершенно необжитые места – у лесов, болот и рек. Люди рыли

За годы после октябрьского переворота 1917г. в России погибли миллионы и миллионы абсолютно безвинных людей. В стране был установлен жесткий тоталитарный режим. За любое правдивое слово могли расстрелять, сослать в тюрьму и в концлагерь. Фактически был нанесен невосполнимый урон генофонду страны. После смерти «отца народов» И. Сталина, уничтожившего огромное количество лучших представителей этих народов, страна проснулась от многолетнего зомбирования и отвратительной подлости. Появился термин – политические репрессии, а их жертвы стали называться жертвами политических репрессий. Репрессий законных не бывает, репрессированные в настоящее время – реабилитированные лица и лица, признанные пострадавшими от политических репрессий, имеющие соответствующие удостоверения.

землянки, продукты практически не выдавали, голод и холод были страшные, в самом начале при прибытии в места ссылки и депортации гибло много опять же стариков и детей. В проводимых репрессиях часть людей расстреливалась, часть забивалась на пытках, часть «сгорала» в «печах» концлагерей: голод и каторжный труд за 2-3 месяца сводили в могилу здоровых людей с последующим стандартным диагнозом – «сердечная недостаточность». И все это не выдумки, а жестокая правда, которая под страхом арестов, помещений в психобольницы скрывалась до 90-х годов прошлого века.

Чтобы как-то компенсировать физические и моральные страдания жертв политических репрессий, в России 18 октября 1991 г. был принят Закон №1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». Страна на тот период переживала небывалый экономический кризис, и поэтому в преамбуле Закона было записано ... обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба. По статье 16 Закона №1761-1 репресси-

рованным было предоставлено право на небольшое количество льгот, которые предоставлялись им всем одинаково во всех субъектах на территории России, и это было правильно.

С 1 января 2005 г. вступил в силу Федеральный Закон от 22.08.2004 г. №122-ФЗ, по которому было проведено изменение Закона РФ от 18.10.1991 г. №1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». Финансирование льгот по статье 16 вышеуказанного закона было переведено с федерального на региональный уровень, и это несмотря на то, что репрессии в регионах только исполнялись, указания на репрессии поступали из Кремля, т.е. с федерального уровня. Дальнейшие события показали, что Закон № 122-ФЗ был принят не в целях защиты прав и свобод граждан РФ, как было записано в его преамбуле, а чтобы лишить льгот репрессированных. В преамбуле Закона №1761-1 из фразы обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального и морального ущерба исчезло слово – морального, осталось – посильной в настоящее время.

Надо полагать, обновленная команда законодателей ввела новое понятие морали: так человек, прошедший пытки, тюрьмы, концлагеря, оказавшийся вдали от родных, от любимой работы, в постоянном общении с бандитами, насильниками и ворами, не испытал никакого морального ущерба. Настоящим временем стал 2005 г., а не 1991 г., когда был принят Закон, экономика стала неизмеримо лучше, т.е. возможность (посильность) страны на предоставление льгот намного возросла – перечень льгот мог быть увеличен.

С 01.01.2005 г. согласно требованию закона №122-ФЗ во всех субъектах РФ были приняты законы – о мерах социальной поддержки репрессированных. Во многих субъектах РФ эти законы были приняты в нарушение требований статей 52, 53, части 2 статьи 55, частей 1, 2, 4 статьи 15 Конституции РФ, а также Федерального Закона от 22.08.2004 №122-ФЗ в части требований преамбулы и части 2 статьи 153. Были ликвидированы существенные льготы по статье 16 Закона №1761-1 в редакции до вышеуказанного Закона №122-ФЗ. Законы были «разработаны» правовыми управлениями правительств, законодательных органов субъектов РФ и согласованы прокуратурами.

Сахалинская областная Дума обратилась с запросом в Конституционный Суд (КС) РФ о проверке конституционности частей первой и второй статьи 16 Закона РФ от 18.10.1991 г. №1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» в редакции Закона №122-ФЗ.

Своим Определением от 01.12.2005г. №462-О КС РФ отказал в принятии запроса к рассмотрению, ссылаясь на то, что законодатель в преамбуле закона №122-ФЗ не только сохранил, но и предусмотрел возможность повышения ранее достигнутого уровня социальной защиты граждан. При этом КС РФ «не заметил», что с 01.01.2005 г. при переводе финансирования на региональный уровень во многих регионах страны были ликвидированы льготы для репрессированных, потерялся единый статус для жертв политических репрессий на территории России. Перестали действовать права на льготы у репрессированного, кратковременно приезжающего из одного региона в другой.

Продолжение на стр. 2

БЕСКОНЕЧНАЯ БОРЬБА С ВЛАСТЬЮ ЗА ПРАВА РЕПРЕССИРОВАННЫХ

Окончание. Начало на стр.1

Появились тульские, московские, вятские и т.д. репрессированные с неодинаковыми льготами.

«Судья КС РФ А.Л. Кононов в своем особом мнении не согласился с решением коллег, признав их доводы ошибочными. Он также подчеркнул, что в этом Законе идет речь именно о компенсации ущерба жертвам преступлений и злоупотребления властью, а не о мерах социальной защиты. В итоге Л. Кононов отметил, что «КС РФ ... обрекает жертвы политических репрессий на судебные споры с региональной законодательной властью». Он оказался абсолютно прав.

Невозможно не остановиться на Определении КС РФ от 19.01.2010г. №13-О-О, отклонившем жалобы репрессированных из Псковской области, мотив – их разрешение не подведомственно КС РФ. Своим предыдущим Определением КС РФ создал условия для жалоб, а их рассмотрение уже не входит в его компетенцию.

Прокурор Томской области совместно с администрацией Томской области даже обжаловали в Верховном Суде (ВС) РФ решение Томского областного суда от 06.03.2006 г., вставшего на защиту абсолютно законных прав реабилитированного. Решение суда было отменено Определением ВС РФ от 31 мая 2006г. на основании якобы конкретных данных, представленных Томским департаментом социальной защиты (в дальнейшем по тексту департамент), которые свидетельствовали даже об увеличении денежных средств на льготы в 2005 г. по сравнению с 2004 г. Фактически же предоставленные департаментом «конкретные затраты» за 2004г. не соответствовали действительности, т.к. выполненные услуги по «бесплатным» льготам для репрессированных в основном не оплачивались и такая ситуация была в каждом регионе РФ. Так проезд репрессированных на любом виде транспорта в административном центре проживания, пригородном сообщении, электропоездах проводился при предъявлении кондукторам, контролерам, соответствующего документа, учет выпадающих доходов перевозчиками не проводился, а поэтому даже не мог предъявляться. Учет мог быть проведен только в случае покупки билетов на э/поезда через кассу, в основном же билеты не покупали – показывали в э/поездах свои удостоверения контролеру. Даже предъявляемые суммы с касс к оплате, как правило, не оплачивались, или оплачивались частично из бюджета региона, становились убытками МПС (ОАО «РЖД»), которые покрывались им за счет грузоперевозок. По отчаянным просьбам перевозчиков, стоящих на грани банкротства (они

бесплатно возили на автобусах, троллейбусах, трамваях огромное количество льготников: ветеранов труда, тружеников тыла, а также жертв политических репрессий и т.д.), в лучшем случае из бюджета региона выделялись очень незначительные компенсации. До 2005 г. из всех льгот учет производился только при оплате коммунальных услуг, одной поездке в год ж/д транспортом по России и, возможно, при выделении санаторно-курортных путевок. С 01.01.2005 г., кроме г. Москвы и еще нескольких регионов, для региональных льготников, в т.ч. для жертв политических репрессий, были установлены частично платные перевозки. Так в Кировской области с репрессированных начали брать за проезд на любом виде транспорта в административном центре проживания и пригородном сообщении 30-40% от стоимости проездных билетов; в электропоездах по полной стоимости и за 50% с 15 апреля по 15 октября, перевозчикам передавались дотации на компенсацию выпадающих услуг, начали выдавать ЕДВ.

Не зафиксированные, т.е. реальные финансовые затраты, которые должны были быть оплачены за исполненные услуги по льготам жертвам политических репрессий за 2004 г. были значительно выше «конкретных данных» за 2005 г. На фоне полного несоответствия фактическим затратам на вопросе повышения цен в 2005 г. можно даже не останавливаться. Можно не сомневаться представленные Томским департаментом «конкретные данные» абсолютно не соответствовали истине, это дополнительно подтверждается тем, что жалобы от репрессированных на снижение льгот пошли с 2005 г., при действительном повышении финансирования льгот, их бы не было.

За 2005 г. в Томской области и в других регионах страны произошло значительное уменьшение объема финансирования, а не повышение, т.е. первое условие в части 2 статьи 153 Закона №122-ФЗ при переходе на региональный уровень было не выполнено. Необходимо также отметить: в своем рассмотрении ВС РФ отметил, но не принял во внимание то, что для жертв политических репрессий в указанной части 2 не выполнялось и второе условие, а именно: условия предоставления льгот не могут быть ухудшены. Был бесплатный проезд по пунктам г), д), в), е) статьи 16 Закона №1761-1 – должен был оставаться, а стал во многих регионах платным.

Вывод – в Томской области требования обоих условий части 2 статьи 153, а также преамбулы Закона №122-ФЗ при предоставлении льгот с 01.01.2005 г для репрессированных были не выполнены. Поэтому Определение ВС РФ от 31 мая 2006 г. не может не вызывать недоумение у реабилитированных и недоверие к судопроизводству в России.

Уместно привести извлечение из интервью 31.08. 2009 г. судьи КС РФ В.Г. Ярославцева – **«судебная власть в России ... превратилась в инструмент на службе исполнительной власти», «законодательные власти парализованы», «я чувствую себя среди руин правосудия».** Если истина для ВС РФ действительно является основой при вынесении Определения, необходимо вносить изменение в действующее Определение от 31 мая 2006 г.

Своим Определением ВС РФ закрыл возможность получения справедливого решения в судах по искам репрессированных, т.к. по статье 126 Конституции РФ ВС РФ является высшим судебным органом по нашим делам и его Определения являются окончательными решениями для всех судов и прокуратуры: они не имеют права принимать решения, которые бы противоречили Определениям ВС РФ. В такой ситуации предложения различных чиновников обращаться в суды, прокуратуру невозможно принимать иначе, как глумление, издевательство над репрессированными. Попытки некоторых чиновников обжаловать, что ежемесячные денежные выплаты (ЕДВ), якобы являются компенсацией затрат некоторых льгот абсолютно не обоснованы: ЕДВ – это дополнительная мера социальной защиты по возможному повышению ранее достигнутого уровня социальной защиты, что указано в преамбуле Федерального Закона №122-ФЗ – не компенсация каких-то льгот, и она очень незначительная. Если субъекты РФ не хотят повышать уровень социальной защиты, они могут снять ЕДВ, но за счет обмана в течение 12 лет регионы не додали репрессированных значительное количество денежных средств, чем ЕДВ. Будет справедливо ЕДВ оставить, тем более, что средний возраст репрессированных 81 год. Снять же льготы по вышеуказанной статье 16 Закона РФ от 18.10.1991г. №1761-1 в редакции до введения в силу Федерального Закона от 22.08.2004 г. №122-ФЗ субъекты РФ не имели и имеют никакого права. Запрещается снимать требованиями преамбулы и части 2 статьи 153 Федерального Закона №122-ФЗ и статьями 52,53, части 2 статьи 55, части 1,2 статьи 15, части 5 статьи 76 Конституции РФ! Денежный эквивалент льготы по любому виду проезда, так называемая «монетизация», в настоящее время легко решается через электронную оплату путем незначительной корректировки программы.

Жертвы политических репрессий в поиске справедливости в восстановлении законных прав на льготы ежегодно в течение 12 лет направляли и направляют в различные государственные органы, включая Президента РФ, огромное количество жалоб и обращений. В ответ на них – только

канцелярские отписки или молчание. Не было ни одного ответа по существу поставленных в обращении вопросов – всегда нарушалось требование пункта 4 статьи 10 Федерального закона от 2 мая 2006 г. №59-ФЗ. Тысячи обращений по защите прав несколько сот тысяч репрессированных в ежегодно проводимых акциях «Вопрос к Президенту РФ В.В. Путину» остаются без ответа. При неисполнении многих статей Конституции РФ, в т.ч. статьи 52, не заметны действия гаранта Конституции РФ – Президента РФ.

От законодательных региональных органов в ГД РФ, начиная с 2005 г, поступило большое количество законодательных инициатив о восстановлении финансирования льгот репрессированным на федеральном уровне. На этапе согласования, используя возможность части 3 статьи 104 Конституции РФ, инициативы отвергались Правительством России и по этой причине в ГД не рассматривались.

На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что репрессированные досрочно, не смотря на то, что еще живы – средний возраст 81 год, списаны государственной властью (законодательной, исполнительной и судебной). Объяснения некоторых чиновников, что не хватает денег, не обдуманны и циничны.

Так по обеспечению финансированию льгот:

– одна часть регионов РФ уже выполняет все льготы, предоставляемые до 01.01.2005 г., другая выполняет частично;

– сохранилась обязанность РФ участвовать в софинансировании;

– средний возраст репрессированных 81 год – многие из них просто по физическим данным уже не могут пользоваться такими льготами, как санаторные путевки, поездки на транспорте, зубопротезирование – на 90% численности репрессированных они уже поставлены.

Уважаемая государственная власть РФ, не пора ли вернуться лицом к правам и просьбам репрессированных? Заявления руководства страны, что социальные вопросы приоритетные и не будет никакого снижения социальных прав, не соответствуют действительности. Власть обязана выполнять требование статьи 2 Конституции РФ по защите прав, это ее священная обязанность.

Перевод финансирования льгот репрессированным с федерального на региональный уровень оказался аферой всей государственной власти.

**ПО ПОРУЧЕНИЮ
РЕАБИЛИТИРОВАННЫХ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ
ВЯТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ЖЕРТВ НЕЗАКОННЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ
(ВО ЖНПР) МАГДЕЕВ
Г. КИРОВ, 7 ФЕВРАЛЯ 2017Г.**

«СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В НОРВЕГИИ»

В Г. КИРОВЕ, 1 ФЕВРАЛЯ Т.Г. В ГЛАВНОМ ЗДАНИИ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (ул. Спасская, 6)
открылась выставка

«Советские военнопленные в Норвегии».

Эта выставка рассказывает о тяжелейших условиях жизни советских военнопленных в немецких концлагерях в Норвегии. Но она рассказывает и о человеческом достоинстве, о человеческих отношениях, о дружбе между гражданским населением Норвегии и советскими военнопленными.

Выставка будет открыта для всех желающих в течение ближайшего месяца, после чего продолжит свое путешествие по городам России.

Приглашаем вас, друзья!
Телефон для справок: 64-36-54.

С уважением,
зам. директора по информационно-методической работе
Осколкова Надежда Юрьевна

Руководитель Зуевского отделения
ВО ЖНПР В.В. Пшеничный

Трагические судьбы советских крымских немцев

Часть 1. Воспоминания раннего детства

Смутно, как сквозь туман помнится мне деревянный дом, в котором я родился и жил самые первые годы моей жизни. Собственно, это был даже не жилой дом, а сельская больница-амбулатория. Строение было большое, деревянное, имело два крыльца. Переднее крыльцо высокое, крашенное; над дверью узкая рама с надписью «Амбулатория». Второе крыльцо поменьше и пониже – с задней стороны; тут и дверь была тоже маленькая. Здесь жили мы. Сени отсутствовали, поэтому зимой входную дверь завешивали большим одеялом, чтобы холод с улицы не сразу проникал в комнату. И все равно при каждом открывании двери с клубами белого пара волна холода, раскачивая одеяло, врывается внутрь и прокатывается по комнате до самого окна, а короткие и легкие оконные занавески вздрагивали при каждом движении дверей. Еще помню, что дом этот стоял на возвышении, и от него хорошо была видна большая река – Северная Двина.

С этим местом связано мое самое яркое воспоминание раннего детства. Это было летним солнечным днем. У берега стоял небольшой колесный пароход, а рядом с ним купалась детвора и среди них мой старший брат Юра. Ребята прыгают в воду у самого парохода, плещутся, цепляются за его борта. Но вот гудок, и пароход медленно зашлепал колесами по воде, стал удаляться от берега. Ребята, уцепившись за рулевую доску, тоже стали отплывать от берега вместе с уходившим на середину реки пароходом. Меня охватил ужас – мой брат куда-то уехал, далеко, безвозвратно. Помню, как со слезами на глазах бежал я по отлогому склону реки к дому и как горько рыдал у мамы на руках и все повторял:

«Юрка уехал, Юрка далеко уехал». Брату тогда крепко попало. Потом, как оттиск в моей памяти, всплывает первое свидание с отцом. Мы тогда жили уже в другом месте, и было мне около шести лет. До этого времени мы отца своего не знали, вернее, знали его только по рассказам мамы. Мне запомнился ее рассказ о том, как папа принимал роды, когда она рожала меня. Он был хорошим акушером и единственным в той местности, где они тогда жили. Когда я появился на свет, он сделал все, что нужно делать в таких случаях, а потом взял своего первенца за одну ножку и весело прошелся вокруг родильного стола, держа меня вниз головой. Конечно, находясь в положении новорожденного, этого эпизода моей жизни я запомнить не мог. Да и другие более поздние картины детства укрепились в моей памяти благодаря рассказам старших. Хотя я и был действующим лицом семейных событий тех лет, но по малолетству многого запечатлеть в памяти был просто не в состоянии.

Место в пригороде Котласа, где мы жили, было низким; маленький барак стоял вблизи большого, сильно заболоченного леса, поэтому все лето нас одолевали комары. Никакого фундамента у этого строения не было – половые доски лежали прямо на земле. Весной, когда почва наполнялась талой водой, сквозь половицы влага просачивалась и в наше жилище. Всегда в этом бараке было холодно и сыро. Даже летом, во время дождей к бараку можно было пройти только по доскам, проложенным от железной дороги; а до железной дороги было метров триста. Колебание почвы от проходящих составов отчетливо передавалось к нашему ветхому строению; если проходил грузовой состав, всегда позвякивали стекла оконных рам. Папа перешагнул порог нашего дома ранним утром, у порога снял испачканную обувь и в носках прошел к столу. Мама вошла следом за

ним – она встречала его на станции, которая была тут же – у железнодорожного полотна. «Угадайте, кого я к вам привела?» спросила мама, заметно смущаясь и нищенской обстановкой нашего дома и того рванья в которое, мы трое детей, были одеты. Видимо, волнение матери передалось и нам – неожиданность этого визита так напугала нас, что мы в страхе попятнулись в дальний угол. Вера, самая младшая из нас, вдруг заплакала; мама быстро подошла и взяла ее на руки. Я тоже готов был расплакаться, но тут старший наш брат Юра разрядил обстановку – он подбежал к отцу и очень серьезно сказал – «Я тебя запомнил – ты наш папа!»

Отец взял его на руки, прижал к себе и сказал: «А я тебя не сразу узнал – ты так вырос – совсем большой мальчик стал». Мы сразу успокоились, когда папа стал открывать свой маленький деревянный чемоданчик и вынимать из него подарки, которые он привез нам. Там были консервы в круглых металлических банках, сухари, сахар, целая буханка хлеба, цветные карандаши и еще какая-то дощечка в коричневой обертке, на которой что-то было написано золотыми буквами. Все это богатство мама разложила на столе, а потом стала укладывать в кухонный шкаф. Убрала и хлеб, с которого мы не сводили голодных глаз; на столе оставила только эту таинственную дощечку. «Кушайте» – сказала она. Мы с недоумением смотрели на нее и не знали, что же тут можно кушать. Наконец, Юра вскрыл обертку, и мы увидели темно-коричневую «дощечку», состоящую из одинаковых квадратиков, и все-таки никто из нас не понял, что «это» можно есть. Мама, глядя на нашу растерянность и, как бы извиняясь перед отцом, сказала – «они никогда не видели шоколада» – и почему-то вдруг глаза ее наполнились слезами, она замолчала, отошла от стола.

Продолжение на стр.4

ПРИГЛАШЕНИЕ

Уважаемые руководители организаций, граждане, подвергшиеся не законным репрессиям и члены их семей, обращаюсь к Вам с предложением принять участие в благотворительной акции, проводимой мной по предоставлению льготных путевок для репрессированных граждан РФ и членов их семей. Впервые данное мероприятие было проведено в 2016 г.

Не смотря на активное противодействие нелегитимного руководителя ООБОИЖПР Есаулова А.В. и его подручных данная акция, была успешно проведена и получила массовое одобрение руководителей региональных организаций и репрессированных граждан, принявших в ней участие. В 2017 году благотворительная акция начинается с 01 февраля. Я предлагаю льготные путевки в частный пансионат «Каравелла» в поселке Вишневка Лазаревского района г. Сочи по цене полного пансиона 1000 (одна тысяча) рублей в сутки с человека. В стоимость путевки входит: проживание и трехразовое питание.

Доставка от вокзала в пос. Лазаревское к пансионату и экскурсии, по желанию прибывающих, организуются за дополнительную плату. Путевки бронируются путем подачи заявки как гражданином, так и организацией через мою электронную почту, почту пансионата «Каравелла» – karavellapansionat@mail.ru, на сайте www.karavella93.ru в разделе «бронирование», по контактному телефону +7 (918) 468-42-07 – администратор, +7 (918) 432-62-80. Путевка считается забронированной после согласования сроков и оплаты 50% стоимости. Прием отдыхающих с 15 мая по 15 октября. Познакомиться с пансионатом и посмотреть отзывы можно на сайте www.karavella93.ru

Все интересующие вопросы можно задать по телефонам: +7 (918) 468-42-07 – администратор, +7 (918) 432-62-80 Артур Александрович.

**С УВАЖЕНИЕМ,
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ООБОИЖПР АРТУР ЧОЛОКЬЯН
CHOLOKYAN63@MAIL.RU**

Трагические судьбы советских крымских немцев

Продолжение. Начало на стр. 3

Отец разломил плитку на несколько кусочков и протянул руку с шоколадом к нам – «берите в рот – это очень вкусно, это шоколад». Я не запомнил вкуса того шоколада, а вот то, что эту «дощечку» можно есть, это чувство удивления, возможно и помогло мне так ясно запомнить молодого нашего отца. Образ его вовсе не был тем образом, который мне рисовался из рассказов мамы. Я представлял его высоким и почему-то светловолосым. Может быть потому, что мама часто говорила о том, как я похож на отца. А мы, дети, все были белоголовыми – вот и отец представлялся мне светловолосым и с челкой на лбу, как у меня и у сестры Веры; Юру в то время уже стригли наголо.

Папа оказался мужчиной среднего роста, со светло-серыми, почти голубыми глазами, черной, слегка волнистой шевелюрой и красивой ямочкой на чуть выдающемся подбородке. На нем был легкий, стального цвета парусиновый плащ, а под ним – короткая утепляющая поддевка-безрукавка из простеганной ваты. На голове – кепка с маленьким козырьком и тоже серого цвета. В первый момент лицо его было очень серьезным и детское наше смятение, скорее всего, было вызвано не столько внезапным появлением «чужого» человека в нашем утлом жилище, сколько пытливым взглядом его серых не улыбочивых глаз. Но когда он начал говорить с Юрой, лицо его преобразилось – в улыбке «растворилась» колючесть взгляда и лицо стало мягким и очень добрым.

Впрочем, надо сказать, что вытаскивая из памяти самые ранние, досемилетние, дорубежные картины своего детства (а здесь сразу как бы два рубежа – появление отца в нашей семье и через год – начало учебы в школе), я должен все же отметить, что первые земные впечатления, которые наиболее резко фокусируются в моей памяти, связаны с сосущим чувством голода. Мы остались без отца в самом начале 1942 года, когда его через военкомат «призвали в трудармию» и он оказался в Котласе – в исправительно-трудовом лагере «Котласский мостовой завод». Старшему из нас – Юре, было шесть лет, мне – всего два года, а сестра Вера родилась уже без отца – в мае 1942 года. Детали и факты того времени отрывочны и связаны только с ощущением постоянного голода, холода и ожидания мамы, которая должна принести еду. Почему-то мы часто переезжали с места на место, но всегда жили где-то на севере и в сельской местности. Это уж позже, повзрослев, мы узнали от мамы о том, что ее как жену «социально опасного элемента» неоднократно увольняли с работы по надуманным причинам, а чаще – без всяких причин – создавали такие условия, что сама она вынуждена была искать новое место работы. «Много раз за время войны – рассказывала мама – я вынуждена была собирать свой выводок и

ехать неведомо куда без денег и пропитания. Кочевали по Архангельской области от Холмогорского района – в сторону Котласа, где был в это время наш папа». Один из последних таких вынужденных переездов был спровоцирован оскорбительным хамством школьного учителя – военрука по отношению к брату Юре. Этот «учитель» вернулся с войны инвалидом. Видимо это было осенью 1944 года – Юра учился во втором или в третьем классе. В те годы уже в этом возрасте в школе «преподавался», как предмет «военное дело» – детей учили ходить строем, ползать по-пластунски (лежа передвигаться на локтях, прижимаясь к земле), выполнять какие-то упражнения и т.д. Этот изувер-военрук не раз вымещал свою злобу на Юре, придираясь к нему по любому поводу и обзывая немецким выродком (я смягчил оборот – выражался он нецензурно) – брат не редко приходил из школы в слезах. В этот раз за какую-то «провинность» на занятиях, он заставил его ползать по-пластунски – по грязной, покрытой лужами, грунтовой дороге на виду у всего класса. Юра вернулся домой рыдающим от перенесенного унижения, грязным, мокрым с ног до головы и продрогшим на осеннем ветру. Разбирательство в школе еще больше оскорбило маму – сам «военрук», зная решительный характер нашей мамы, надежно спрятался и на разговор не явился, а директор этой сельской школы сказала маме: «Его понять можно, он же инвалид, контуженный – его немцы покалечили, а кто Ваш муж у нас все знают». Больше Юра в эту школу не ходил, этот учебный год для него был потерян. Потом, уже в Котласе, он был в школе переростком – учился с детьми на год и даже на два младше его. В ноябре или декабре того года мы опять переезжали. Запомнилась зимняя дорога, розвальни, в которых мы сидели; тут же был уложен и весь наш скарб. Управлял лошадкой щуплый старичок – местный конюх Кузьма (со слов мамы «он нам сочувствовал» и мы это поняли по тому, как он участливо усаживал нас в сани перед дорогой). Мама в больших подшитых валенках, выданных Кузьмой «на прокат», всю дорогу шла пешком вслед за санями.

Герхард Вольтер в своей замечательной книге «Зона полного покоя» упоминает о судьбе русской женщины – Ольги Александровны Зандер-Островидовой, разделившей тяготы ссыльной жизни с мужем немцем: «Она ожесточилась, ушла в себя, потеряла не только веру в справедливость, но и надежду на то, что когда-нибудь наступят перемены к лучшему. Осталась одна лишь цель – помочь выжить детям».

С полным основанием эти слова приложимы и к судьбе нашей матери. В сельских здравпунктах и амбулаториях мама работала фельдшером или акушеркой, а чаще совмещала эти должности – тогда постоянно

был дефицит медицинских работников, особенно на селе. Видимо, это обстоятельство и спасло нас от голодной смерти – кроме того мизерного содержания, которое она получала по карточкам, она иногда приносила домой картошку, крупу, муку или кусок хлеба. И все равно мы отчаянно голодали, ели лебеду, крапиву, картофельные очистки, грубые зеленые листья капусты и капустные «кочерыжки», не ободранное зерно вместе с мякиной и прочую дрянь. Порой не было и этого – просто целыми днями сидели голодными. Эти дни казались длинными-предлинными; время тянулось бесконечно долго и тягостно, мысли все время связаны с едой, с неусыпным желанием есть. Чувство постоянного голода невозможно было преодолеть. Вот эти-то дни прочно и навсегда врезались в детское сознание, они как заноза в сердце, будоражат мою память, не дают покоя и на склоне дней. Память не сохранила из того раннего периода нашей жизни, который счастливые люди называют «золотым временем детского счастья», хотя бы нескольких минут благополучия. Только неусыпные заботы нашей мамы, беспредельное чувство материнской любви, которое мы постоянно ощущали, может несколько сгладить мрачные картины нашего младенчества. Сейчас, когда я пишу эти строки, мои впечатления детства дорисовались на основании уже более позднего опыта (увы, не всегда позитивного), но не подлежащего сомнению, что тот гигантский заряд несчастья, который мы получили в раннемладенческом возрасте, тяжелым грузом сопровождал всю нашу жизнь, все помыслы и поступки. Постоянная тревога, боязнь за детей и близких, немотивированные приступы сомнений в себе, зависимости от других, неверие, обостренное восприятие даже малой несправедливости – все это отсюда, из голодного детства и юности, от состояния той униженности, в котором жили все мы – и взрослые и дети. За что были наказаны наши родители, за что нас лишили самого святого периода жизни, за что у нас отобрали детство? Ответа на эти вопросы нет, ибо до сих пор никакая власть в России не взяла на себя ответственность за преступления эпохи сталинизма, за репрессии против собственного народа. Комплексы, сформированные неимоверными страданиями в прошлом, остаются, никуда не уходят, «генетически» передаются новым поколениям российских немцев. Родители наши, как и миллионы других, им подобных, покинули этот мир не прощенными. Никто не понес наказания за оскорбления и издевательства, перенесенные ими, за смерть их родных и близких. Не сочли возможным даже извиниться перед ними ни во время периода «хрущевской оттепели», который наваял зыбкие иллюзии либерализации советского режима, ни в более поздние времена «горбачевской пе-

рестройки». А последние двадцать с лишним лет можно назвать «зоной полного покоя» (по Г.Вольтеру) – это период бесчестного замалчивания событий, которые унизили, раздавили целый народ.

Хорошо запомнился душераздирающий эпизод, который имел место, видимо, зимой 1943 или 1944 года – мама держала еще совсем маленькую Веру на руках. Помню даже то, что мы всей семьей стояли на крыльце какого-то дома и было это морозным солнечным днем – в такие погожие дни мама, закутав нас чем попало, часто выводила всех хоть на несколько минут «подышать свежим воздухом». К нам подошла женщина, которая жила неподалеку от нас. Была она, видимо, постарше нашей мамы – такая крепкая краснощекая, круглолицая деревенская тетка. Мне и брату Юре запомнились ее слова на всю жизнь: «Федоровна, отдала бы ты мне девочку. Не вытянуть тебе троих-то – все равно кто-нибудь из них умрет. Я ее удочерю – мне опора на старости лет, да и тебе с двумя-то легче будет, может и выживете». Первым движением чувств мамы, видимо, была жгучая обида. Она была глубоко оскорблена и немедленно отклонила предложение в нескольких холодных словах: «Прасковья Ивановна, ребенок не вещь, я никому не отдам своих детей, спасибо. Постараюсь сама справиться». Потом, дома она плакала, обнимала нас сразу всех троих, целовала и говорила нам, что мы уже все большие и обязательно выживем и дождемся папу. Как сейчас вижу ее родное заплаканное лицо, скатившийся на плечи платок, мягкие волосы. Порыв жалости и любви с нестерпимой силой охватывает наши детские души, мы тычемся в ее теплые ладони, обливая слезами ее ласковые руки. Наверно, в такие моменты потрясений и возникает чувство семьи и закладываются родники любви в нетронутых детских сердцах. Рассказала ли она конкретно об этом случае отцу, мне не известно, но он и без того хорошо знал, какие унижения и муки пришлось переносить ей, жене ссыльного немца-трудармейца. Как-то в разговоре с нами он обронил такую фразу – «Это чудо, что мама одна сумела в те страшные годы сохранить вас всех троих, если бы не она – наверняка никто бы из вас не выжил. Всегда помните это». Уже когда мы были взрослыми, вспоминая свое детство, мы с братом напомнили ей этот страшный эпизод. Она опять заплакала, а когда успокоилась, сказала нам, что фамилия этой женщине Кузнецова. Она была бездетной, жила вдвоем с мужем-инвалидом. По причине инвалидности муж и не был на войне, но работал в колхозе бригадиром. Они не голодали. Тогда же она нам рассказала, что той зимой она действительно боялась потерять кого-нибудь из нас – к весне у всех начали отекать ноги, мы почти не передвигались.

Продолжение в следующем номере.